

Story

СТЕФАНИ ФУ

18+

ЧТО
ЗНАЮТ
МОИ
КОСТИ

КОГДА НЕБО ПАДАЕТ НА ТЕБЯ,
СДЕЛАЙ ИЗ НЕГО ОДЕЯЛО

БОМБОРА

Зеркало. Правда, которую я не знаю о себе

Стефани Фу

**Что знают мои кости.
Когда небо падает на тебя,
сделай из него одеяло**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Фу С.

Что знают мои кости. Когда небо падает на тебя, сделай из него одеяло / С. Фу — «Эксмо», 2022 — (Зеркало. Правда, которую я не знаю о себе)

ISBN 978-5-04-194925-9

К тридцати годам Стефани добилась значительного успеха, у нее была работа мечты и любящий парень. Но каждый день за дверью своего кабинета она рыдала, ее постоянно накрывали панические атаки. После многих лет исследований ей поставили диагноз «комплексное посттравматическое стрессовое расстройство» — состояние, которое возникает, когда психологическая травма продолжается в течение многих лет. Мама и папа бросили Стефани, когда она была подростком, после многих лет пренебрежения, психологического и физического насилия. Она думала, что пережила это и все забыла, но новый диагноз пролил свет на то, как ее прошлое продолжало угрожать ее здоровью, отношениям и карьере. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-194925-9

© Фу С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Стефани Фу
Что знают мои кости. Когда небо
падает на тебя, сделай из него одеяло

*Посвящается Джоуи, Кэти, Дастину и Маргарет – спасибо, что
стали моей семьей*

Stephanie Foo

WHAT MY BONES KNOW

Copyright © 2022 by Stephanie Foo.

© Новикова Т., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

От автора

Посвящается моим друзьям, пережившим комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР): я знаю, что такие книги могут стать триггером и читать их бывает больно. Через мои руки с большим трудом прошли многие из них. Но я чувствовала, что мне необходимо рассказать о своем жестоком детстве, проведенном в атмосфере насилия. Только так читатель сможет понять, откуда я родом. Первая часть книги может оказаться для вас тяжелой, но я прошу хотя бы начать.

Если захотите пропустить несколько страниц, я не стану вас осуждать. И обещаю вам (даже если это немного спойлер):

у книги счастливый конец!

Пролог

– Вы хотите знать свой диагноз?

Я моргнула и уставилась на своего психотерапевта. Мы были на сессии в ее офисе – наверное, в одном из самых умиротворенных уголков на планете. Сквозь тонкие шторы здесь пробивался солнечный свет, а из открытого окна доносился щебет птиц. В углу журчал фонтанчик с большим камнем – наверное, этот звук должен был успокаивать клиентов. На дальней стене в рамке висело стихотворение «*Desiderata*» («Пожелание»): «*Ты дитя вселенной не в меньшей степени, чем деревья и звезды, у тебя есть право быть здесь*».

Но я-то не *здесь*. Уютный кабинет моего психотерапевта – в Сан-Франциско, а я – в своем темном, ледяном, крохотном кабинете в Нью-Йорке и беседую с ней через маленькое окошко моего компьютера. О стихотворении в ее кабинете я знаю по той же причине, по которой не могу поверить, что она сообщила мне мой диагноз только сейчас: я ее клиентка уже восемь лет.

Сеансы с психотерапевтом (назовем ее Самантой) начались, когда мне было двадцать два. Тогда я жила в Сан-Франциско и мне нужна была помощь в решении сугубо местной проблемы: отношения с бойфрендом с типом личности *INTJ* (Аналитик по Майерс-Бриггс). С Самантой мне повезло. Она была резкой и умной, но в то же время любящей. И всегда находила время для экстренной встречи после разрыва, а перед моей первой поездкой за границу в одиночку подарила мне красивый дорожный дневник в кожаном переплете. Наши сеансы очень скоро вышли за рамки отношений с бойфрендом. Мы начали обсуждать длительные периоды депрессии, мою постоянную тревожность, связанную с дружбой, работой и семьей. Я по-настоящему привязалась к ней. В двадцать шесть лет я переехала в Нью-Йорк, но продолжала общаться с Самантой по *Skype*.

Сегодня наш сеанс начался с моих жалоб на неспособность сосредоточиться. Саманта предложила мне позитивные визуализации: мне нужно было представить себя сильной, светящейся изнутри и в абсолютно безопасном пространстве. Я попробовала, но безо всякой веры в себя. В глубине души я всегда считала подобные занятия полной чушью. А потом, как и каждую неделю, Саманта сказала, чтобы я не была так строга к себе.

– Не сомневаюсь, что вы можете добиться гораздо большего, – уверяла она, не обращая внимания на то, как я закатила глаза. – Я уже видела, как вы вытаскивали себя из такой депрессии. И знаю, что вы сможете справиться и на этот раз.

Но в этом-то и заключалась проблема. Я устала себя вытаскивать. Не хотела больше этого делать. Я жаждала лишь найти лифт, эскалатор или какое-то волшебное лекарство. Что угодно, что доставит меня к эмоциональной стабильности. Что-то, что меня вылечит.

От тревожности и депрессии я страдала с двенадцати лет. Боль – это чудовище с зубами и когтями, с которым я боролась на протяжении жизни сотни раз. И каждый раз, когда казалось, что я победила, монстр воскресал и снова вгрызался мне в глотку. Но в последние годы я убедила себя, что эта битва совершенно бессмысленна. Я имею в виду, двадцатилетние миллениалы тоже ведь испытывают стресс, верно? Разве депрессия – не естественное состояние человека? Кто *не* тревожится в Нью-Йорке, столице неврозов?

Я так думала, пока мне не исполнилось тридцать. Видела, как мои нервные друзья один за другим перешагивали этот порог и становились взрослыми. Они говорили, что у них стало меньше сил, поэтому они перестали уделять столько внимания тому, что думают другие люди, и начали жить собственной жизнью. А потом покупали бежевые льняные брюки и заводили детей. Я надеялась, что этот зрелый, блаженный покой снизойдет и на меня тоже, но после тридцатилетия прошло несколько месяцев, а я тревожилась еще сильнее, чем прежде. Меня

беспокоило, куда поставить тележку в супермаркете, как бороться с загрязнением океанов пластиком, как научиться слушать других. Меня тревожило, что я постоянно все порчу и пускаю псу под хвост. Я тревожилась, тревожилась, тревожилась – и сама себя за это ненавидела.

Впрочем, в одном друзья были правы: я безумно устала. Тридцать лет я прожила на этой земле – и почти половину этого времени провела в тоске.

По дороге на работу в метро я смотрела на толпы невротиков (которые совершенно спокойно смотрели в свои смартфоны) и думала: «Может быть, я другая? Может, со мной что-то не так? Может, у меня серьезные проблемы?» На прошлой неделе я прошерстила интернет в поисках информации о различных психических заболеваниях, выискивая знакомые симптомы, чтобы найти ответ.

Ближе к концу сессии с Самантой, когда мы покончили с обычными вводными и установками, я набралась смелости и спросила о диагнозе из интернета:

– Вы думаете, у меня биполярное расстройство?

Саманта рассмеялась:

– У вас точно нет биполярного расстройства. – А потом она спросила: – Хотите знать свой диагноз?

Я не закричала: «Леди, я общаюсь с вами почти десять чертовых лет! Конечно, я хочу знать свой чертов диагноз!», только потому, что Саманта научила меня общаться корректно. Спасибо, Саманта.

Вместо этого я совершенно спокойно сказала:

– Да, конечно.

Я заметила, как челюсть Саманты словно в момент стала каменной, а взгляд – пристальным:

– У вас комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), уходящее корнями в детство и проявляющееся через постоянную депрессию и тревожность. У человека с таким прошлым подобного состояния не может не быть.

– Ммм, ПТСР.

У меня было действительно мерзкое детство, и я сама могла бы догадаться.

– Не просто ПТСР. Комплексное ПТСР. Разница в том, что традиционное ПТСР часто связано с моментом травмы. Те же, кто страдает комплексным ПТСР, подверглись длительному насилию-травме. Они страдали годами. Насилие над детьми – самая распространенная причина комплексного ПТСР. – Саманта опустила глаза в нижнюю часть экрана и продолжила: – О, наше время подошло к концу! Продолжим на следующей неделе.

Закрыв окно *Skype*, я сразу же полезла в *Google*. Поскольку никогда не слышала о комплексном ПТСР. Удивительно, но результатов оказалось не слишком много. Из *Wikipedia* я попала на правительственный сайт, посвященный ветеранам войн. Список симптомов оказался очень длинным. И это был не столько медицинский документ, сколько моя биография: трудно справляться с эмоциями, склонность к чрезмерному доверию неподходящим людям, вечное самоуничижение. Проблемы с поддержанием отношений, нездоровые отношения с абьюзером, склонность к агрессии и в то же время неспособность терпеть агрессию со стороны других... Все так. Это же я.

Чем больше я читала, тем яснее мне становилось, что все стороны моей личности подпадают под диагностические определения. Я не понимала, насколько далеко зашла болезнь. Насколько она меня поразила. Мои желания. То, что я люблю. Как говорю. Мои страхи, увлечения, странности, пищевые привычки, количество выпиваемого виски, умение слушать и видеть. Все – абсолютно все – находилось под влиянием болезни. Моя травма буквально пульсировала в моей крови и определяла все решения моего мозга.

Этот тяжелый груз заставлял меня сходить с ума от горя. Я много лет пыталась построить новую жизнь, непохожую на мое детство. Но неожиданно мне стало ясно, что все конфликты,

утраты, неудачи и проблемы корнями уходят именно туда: в меня и мое детство. Я – ненормальный человек. Общий знаменатель всех трагедий собственной жизни. Ходячий учебник по психической болезни.

Что ж, это прекрасно все объясняет. Конечно, мне трудно сосредоточиваться на работе. Разумеется, я расстанусь со многими любимыми людьми. Конечно, я ошибаюсь, думая, что могу спокойно войти в мир хорошо воспитанных, образованных людей и добиться успеха. Потому что я – человек, страдающий комплексным ПТСР, тот, кто описан на изученных мной интернет-страницах, больной и неполноценный.

Оранжевые стены кабинета надвинулись на меня. Я не принадлежу этому месту. Я вообще ничему не принадлежу. Около двух часов я просидела за столом, отчаянно пытаюсь доказать себе, что способна проработать полный день, но при этом не видела экрана своего компьютера. За дверями кабинета над чем-то смеялись коллеги, и их игривые голоса казались мне смехом гиен в саванне. Я схватила пальто и словно бешеная выскочила из офиса на холод, но даже на улице мне не удалось успокоиться. В ушах моих стучало одно слово: «Сломлена. Сломлена. Сломлена.»

Десять лет я думала, что сумею убежать от своего прошлого. Но сегодня понимаю, что бегство – это не выход. Нужно что-то другое.

Я должна это исправить. Починить себя. Пересмотреть свою историю, которая до сегодняшнего дня строилась на лжи умолчания, перфекционизма и фальшивых счастливых развязок. Нужно перестать быть ненадежным рассказчиком. Нужно беспристрастно и пристально взглянуть на себя, свои поступки и желания. Нужно разрушить ту выверенную жизнь, которую я для себя построила, – ведь она может рухнуть в любую минуту.

И я знаю, с чего нужно начать.

Искушение любого злодея начинается с истории его происхождения.

Часть I

Глава 1

У меня есть четыре семейных фильма, которые я никогда не выброшу. Кассеты лежат в самом высоком и далеком углу моего шкафа. Посмотреть их я не могу – у кого сегодня есть видеомэгнитофон? И все же я храню их, как последние реликвии собственного детства. Так что цель у них все же есть.

Я всегда знала, что несю свое прошлое с собой, но кроется оно в настроениях и вспышках воспоминаний. Занесенная рука, прикушенный язык, момент ужаса. Узнав свой диагноз, я поняла, что мне нужна конкретика. Поэтому взяла напрокат видеомэгнитофон, разобралась со множеством таинственных штекеров и проводов и вставила первую кассету.

Она начиналась с Рождества. Я увидела четырехлетнюю девочку в бархатном платье. Тоненькую шейку охватывает огромный белый кружевной воротник. У девочки густая прямая челка и тоненькие косички. Это же я, но я себя почти не узнавала. Нос у девочки гораздо шире моего, а лицо круглее. И она кажется счастливой – это же невозможно! Но я помнила все игрушки, которые она доставала из коробок, все до единой. Как я любила эту синюю лупу, эту книжку «Волшебный школьный автобус», эту бирюзовую сумочку в форме раковины. Что я сделала со всем этим? Куда все делось?

Лента крутится дальше. Вот девочка стоит на коленях на полу гостиной с пакетом, полным фотографий овощей. Она готовит детсадовский проект «пищевая пирамида». Я с удивлением заметила, что когда-то у меня был британский акцент.

– В апельсинах есть ВИТТамин С, – с улыбкой объявляет малышка, демонстрируя две симпатичные ямочки. У меня их больше нет.

А вот уже Пасха, и девочка разыскивает пластиковые яйца. Она ползает вокруг дивана, наполняя свою маленькую корзиночку. Дом, где я выросла, кажется мне незнакомым – все очень скромно, на стенах никаких украшений, мебель в гостиной кажется удивительно маленькой. Я возвращаюсь в прошлое и понимаю, что в тот момент мы прожили в США меньше двух лет. И еще не заполнили наши комнаты расписными китайскими ширмами, разнообразными «штучками» и батиками в рамках. У нас еще не появилось пианино. В тот момент у нас была только ротанговая мебель, привезенная из Малайзии, и подушки с цветочным узором, слишком тонкие, чтобы прятать под ними яйца.

Сцена меняется в последний раз, и камера показывает девочку с матерью. Они расположились на газоне рядом с кустами роз в полном цвету. Я вижу роскошные розовые и желтые цветы. Мама очень красивая. На ней просторная рубашка и джинсы. На газон она вышла босиком. Мама абсолютно спокойна и уверена в себе. Она выдувает мыльные пузыри, а девочка гоняется за ними, хохочет во все горло и наворачивает круги на траве.

– Я хочу попробовать! – кричит она. – Хочу попробовать сама!

Мама не обращает на нее внимания.

Мое взрослое «я» абсолютно готово осудить мать на этом видео. Возненавидеть ее. *Она мне не позволяет. Ей кажется, что я не смогу.* Но потом мама подносит палочку с мыльной пеной к моим губам. Я дую слишком сильно, и раствор летит во все стороны. Мама снова окунает палочку в раствор и направляет меня, пока я не сделаю все правильно – мне еще не дается красивый мыльный пузырь, который улетает к небесам. От этой сцены у меня возникает странное ощущение: слишком много – и в то же время недостаточно. Подождите – кто эта женщина? Что за беззаботная жизнь на экране? Все было не так. Это не вся история. Покажите мне больше. Но запись заканчивается. Все слишком статично.

Наша семья не сбегала в Америку. Мы приехали, чтобы добиться успеха.

Мне было два с половиной года, когда мы уехали из Малайзии и поселились в Калифорнии. Отец работал в технологической компании, и ему в рамках пакета релокации предоставили дом с выгодной арендной платой. Для моего папы это было возвращение.

Он был самым умным ребенком в маленьком шахтерском городке Ипох, где добывали олово. Рос в бедной семье, где все скромные средства мой дед часто просто проигрывал. Отец не пошел по его стопам. У него были мозги и воля. С проблемами ему помогали справляться задачи по математике и английский язык, потом он шел в библиотеку, брал там другие учебники и решал примеры из них. При этом он вовсе не был ботаником – вместе с другими загорелыми как шоколад мальчишками он часами гонял в регби. Его все любили, он добился больших успехов в учебе – весьма многообещающее начало.

Но когда он обратился в американские колледжи с вопросом о стипендиях, ему ответили: не стоит тратить свое время, стипендии для иностранных абитуриентов не предусмотрены.

Отец набрал 1600 баллов на экзаменах – потрясающий результат, который говорит о блестящих способностях к науке. Эти баллы стали его билетом из мира бедности – и из Малайзии. Старшая сестра, которая удачно вышла замуж, одолжила ему денег на поступление. Он снова обратился в американские колледжи, и все были готовы принять его.

Отец, который всю жизнь провел в тропической жаре, с испугом смотрел на присланные из колледжей Лиги плюща буклеты: фотографии студентов в теплых пальто и шарфах на фоне заиндевевших старинных зданий или осенних пейзажей его пугали. А в проспекте престижного калифорнийского университета фотографии были совсем другими: студенты в шортах и майках играли во фрисби на зеленых газонах. Неудивительно, что отец выбрал именно этот колледж.

– Ты могла бы быть девушкой Восточного побережья и жить в другом мире, – часто говорил отец. – А в Калифорнии ты оказалась только из-за этого чертова фрисби.

После окончания учебы отец несколько лет работал в разных странах, а потом вернулся в Малайзию, чтобы остепениться. С мамой он познакомился в банке – она была операционисткой. Мама была молода, красива, обаятельна, а отцу было уже двадцать шесть лет – настоящий старикан. Мать постоянно твердила, что ему пора кого-то найти. Мои родители встречались два месяца, а потом поженились.

А вскоре родилась я. В том году король Малайзии до смерти забил парня-кэдди клюшкой для гольфа за то, что тот посмеялся над его неудачным ударом, и это событие не имело никаких последствий. Насилие и коррупция пугали моего отца. Мы – этнические китайцы, то есть представители этнического и религиозного меньшинства, которое в Малайзии подвергалось дискриминации. Когда отец был еще ребенком, его дядя, мать и старшая сестра жили в Куала-Лумпуре, когда там начались этнические чистки. Сотни китайцев были убиты. Сестра моего отца чудом сумела покинуть свой офис и найти безопасное жилье в китайском квартале, где вся семья пряталась несколько дней, – друг, у которого были связи в полиции, приносил им еду, чтобы они не голодали. А на улицах убивали всех – даже детей, которые в школьных автобусах ехали на учебу.

Отцу были хорошо знакомы свободы и привилегии США. Он знал, что в Малайзии его возможности ограничены. Если бы мы остались, я бы никогда не получила хорошего образования и не нашла бы работу – мне наверняка пришлось бы ехать за границу, чтобы последовать его примеру. Так чего же мы ждем?

И мы переехали в красивый дом в Сан-Хосе с большой верандой и бассейном. Рядом находились хорошие школы (хотя, чтобы поступить в лучшую, пришлось соврать о своем адресе). Отец купил *Ford*, мама – всем нам подходящую одежду. Родители обставили дом нашей старой малайзийской мебелью, но мне купили американскую кованую кровать. Специ-

ально для девочки по имени *Стефани*. Родители выбрали мне лучшее имя – оно означало «та, что носит корону».

По субботам родители пользовались всем, что давала им жизнь в комфортном загородном районе. Они водили меня в Технический музей инноваций, Детский музей открытий или в парк аттракционов. Мама много времени проводила вместе с другими матерями, интересуясь лучшими образовательными возможностями нашего района. Когда культурная программа надоедала, мы устраивали барбекю у бассейна для других малайзийских экспатов с семьями. Мама жарила на гриле цыплят в медовой глазури и всегда оставляла мне ножи.

Субботы у нас были для развлечения. Воскресенья – для покаяния.

По воскресеньям мы ходили в церковь. Отец надевал галстук, а мы с мамой – платья в цветочек с огромными рукавами-фонариками. Вместе с белыми прихожанами мы пели гимны, а потом отправлялись в местный китайско-вьетнамский ресторан, и я всегда заказывала первое блюдо из меню: рисовый суп с лапшой. Когда возвращались домой, мама усаживала меня за стол, где лежал желтый блокнот на пружинке. На первой странице я давно написала «ДНЕВНИК». Однажды в воскресенье мама написала мне такое задание:

«Пожалуйста, напиши о том, как ты провела время в парке аттракционов Санта-Крус. Чем ты занималась? Что видела? Постарайся как можно интереснее описать свой день с утра и до вечера. Пиши аккуратно!»

Я корпела над дневником больше часа, хотя написать мне нужно было всего страницу. Мне было шесть лет, и я постоянно на что-то отвлекалась – играла с бисерными ковриками, прикрепляла маленьких фетровых лам и помидорки на перуанскую ткань, висевшую на стене, рисовала какие-то картинки на другой странице. Но все же я сумела собраться и переключиться на задание.

«Привет, ребята!» – написала я. Это было необычно: как правило, я начинала каждую запись со слов *«Дорогой Дневник!»*, но в тот день мне захотелось разнообразия.

«В субботу мы ездили в парк аттракционов Санта-Крус. Сначала нам пришлось постоять в очереди, чтобы купить билеты. Сначала мы отправились на «Пещерный поезд». Там было не очень страшно. Мы прошли через машину времени и увидели, как пещерные люди танцуют, ловят рыбу, стирают и сражаются с медведями. А потом я прокатилась на Колесе обозрения. Оно было таким огромным, что маме пришлось прокатиться вместе со мной».

«Как-то не очень увлекательно», – подумала я. Нужно добавить что-то поинтереснее. Нужно показать маме, как мне все понравилось, ведь ей пришлось сильно постараться, чтобы отвезти меня туда.

«А потом я играла в «лягушек». После первой игры я получила приз! Потом я отправилась на такую штуковину, которую называют «батут». И я сделала сальто! А потом еще раз! Тетенька сказала, что у меня отлично получилось. Я отлично провела время и чудесно повеселилась!»

Чтобы подвести итог, я решила привлечь внимание к своему необычному обращению. И написала: *«Эй! Ты заметила, что у меня другое начало? Я так сделала, чтобы было веселее. Люблю тебя, Стефани».*

Я перечитала все написанное и осталась довольна. Вроде бы все хорошо. Я позвала маму. Мама села в кресло, положила на колени блокнот и взяла красный карандаш. Я заняла обычное место – встала слева от нее, сложив руки перед собой, – и стала смотреть, как мама исправляет. Она испешрила мой текст красными X, кружочками и подчеркиваниями. Каждая красная отметка была словно удар под дых. В конце концов, я почти не могла дышать. *О, нет! Я такая глупая! О, нет!*

Закончив читать, мама тяжело вздохнула и написала внизу оценку моей работы:

«В тексте может быть лишь одно «сначала». Ты слишком часто пользуешься словом «потом». Потом я прокатилась на колесе обозрения. Потом я играла в «лягушек». Старайся пользоваться другими словами. И «отлично» ты тоже повторила два раза. Нехорошо!»

Внизу страницы мама поставила большую оценку *C-минус* (тройка с минусом), а потом повернулась ко мне:

– Я уже дважды говорила, чтобы ты реже пользовалась словом *«потом»*. Я велела тебе написать поинтереснее. Ты меня не поняла? А что это ты написала в конце? Что значит «чтобы было веселее»? Я не понимаю.

– Прости меня, – сказала я, но мама уже полезла в свой ящик, и я протянула руку. Мама занесла над головой пластиковую линейку и опустила ее на мою ладонь: *хлоп*. Я не заплакала. Если она увидит, что я плачу, то назовет меня жалкой и повторит наказание. Мама закрыла блокнот и сурово сказала:

– Завтра все перепишешь еще раз.

Она заставляла меня вести дневник, чтобы научить лучше выражать свои мысли – а еще чтобы сохранить мое драгоценное детство. Мама надеялась, что, став взрослой, я буду с любовью перелистывать этот блокнот, который станет будить во мне светлые воспоминания. Но, листая его сегодня, я понимаю, что мама не справилась. Я не вспоминаю поездку в Санта-Крус, танец львов или отдых на пляже в Мендосино. У меня проигрывается лишь одно яркое воспоминание – удар прозрачной пластиковой линейкой по ладошке.

Темой похода было «Взросление», что, как мы вскоре узнали, означало «Половая зрелость».

Наш клуб девочек-скаутов никогда не делал этого прежде – матери раньше не ходили с нами в походы. Но на сей раз все было иначе – настало время первого опыта. Нам было по одиннадцать лет, и в нашей жизни многое менялось.

В лагерь мы приехали в субботу ближе к вечеру. После ужина настало время игр. Мы рисовали и громко хохотали над дурацкими картинками родителей. А потом девочки отправились играть в подвижные игры, а наши матери остались сидеть на диванах и болтать о женских делах. Моя мама по сравнению с остальными выглядела прекрасно. Многие женщины располнели и одевались в мешковатую одежду. Две азиатки неважно говорили по-английски, поэтому забились в уголок, словно не желая, чтобы их кто-нибудь видел. Моя же мама сидела с абсолютно прямой спиной и была в зале главной. В футболке и джинсах с высокой посадкой она выглядела прекрасно. Каждое утро мама часами играла в теннис – и благодаря этому у нее были очень красивые плечи и руки. Идеально уложенные волосы украшали ее голову, как нимб. А вот голос у нее был странный – высокий, подрагивающий, с сильным малайзийско-британским акцентом. Я слышала, как он разносится по всему дому. Но никто, казалось, этого не замечал, потому что после ее слов то и дело раздавались взрывы хохота. Мужчины считали ее остроумной и невероятно привлекательной, женщины – щедрой и обаятельной, той, что всегда берет под свое крыло новых иммигрантов, знакомит их с местными обычаями, угощает «Маргаритой» и приглашает на обед в честь Дня благодарения (хотя мама всегда покупала индейку и утку по-пекински, чтобы как-то дополнить сухое мясо).

А тем временем девочки стали разговаривать про группу *N Sync*.

– А мне больше нравится *BSB*, – сказала я.

Дочь руководительницы нашего отряда фыркнула:

– *BSB* для мелкоты!

Другие девочки с ней согласились и отвернулись от меня. Я потащила мою единственную подружку спать пораньше, чтобы поболтать о привидениях и всем таком. Но, прежде чем выйти, я обернулась и увидела, как моя мама обменивается телефонами с другими женщинами, и все они чуть ли ни в очередь выстраиваются, чтобы записать свои телефоны в ее блокноте.

На следующий день у нас были дополнительные занятия, посвященные половой зрелости. Нам принесли прокладки и тампоны и долго объясняли и показывали, как вести себя во время месячных. А потом началось групповое занятие – нас усадили в кружок, чтобы мы разговаривали о своих чувствах, связанных с половой зрелостью... Наверное, было и еще что-то, но оно меня так смущало, что я почти все забыла. Сохранилось лишь одно неприятное воспоминание. Нам принесли большие рулоны бумаги, мы расстелили ее на полу. Девочки ложились на бумагу, и матери обводили контуры их тел маркером. А потом мать и дочь вместе должны были нарисовать те изменения, которые произойдут с телом со временем. Нарисовать грудь. Волосы под мышками и на лобке. Я пыталась свести все к шутке и нарисовала вонючие зеленые волны, исходящие из моих подмышек, и кулон в форме гениталий на шее, но все упражнение показалось мне просто отвратительным. На моих будущих грудях не было сосков. Ни я, ни мама не осмелились нарисовать соски. Лишь большие, круглые буквы *U*, нарисованные фиолетовым маркером на груди.

Я думала, мама будет высмеивать эту чушь белых людей, но она увлеченно играла, улыбалась, смеялась и поддразнивала меня, словно все это ей нравится.

А потом нас выстроили в кружок и велели взяться за руки. Наша руководительница взяла гитару, и мы принялись, раскачиваясь, петь «Восход, закат» из «Скрипача на крыше». Слова этой песни были пронизаны ностальгией – дочь превращается в женщину, а ведь еще вчера она была девочкой.

Мы пели, а у матерей туманились глаза, они гладили девочек по головам, целовали их в макушку. Другие девочки кидались в объятия матерей. Моя не обнимала меня. Она стояла в стороне и громко рыдала. Она и дома постоянно рыдала – некрасиво, согнувшись пополам. Но никогда прежде она не позволяла себе такого на людях, и это меня встревожило.

Если ей так больно, оттого что я взрослею, я не должна этого делать. Тот момент определил мою жизнь на несколько лет вперед: я не говорила ей про свои месячные и просто набивала трусы туалетной бумагой, а запачканную одежду прятала на чердаке. Бинтовала грудь, носила мешковатые футболки и горбилась, чтобы не показывать увеличившуюся грудь – даже когда мама била меня по спине и твердила, что я похожа на Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери». Я была готова сделать что угодно, лишь бы она была счастлива. Я хотела показать, что всегда буду ее девочкой. Только это было важно.

После песни мы обняли наших мам, они утерли слезы и прижали нас к груди. А потом мы пошли к нашим двухъярусным кроватям забрать вещи и отправились домой. Глаза мамы были красные от слез, но я надеялась, что она не слишком расстроилась. Мне хотелось, чтобы странные ритуалы каким-то образом сблизили нас.

К сожалению, в машине мы обе молчали. Я хмурилась и кусала губы, пока мы не приехали домой и не разгрузили багажник. И вот тогда мама взорвалась:

– Утром за завтраком ты указала Линдси, что она неправильно держит нож. Помнишь? Ты велела ей резать ветчину по-другому. Прямо перед ее матерью! Почему ты это сделала?! – рывкнула мама. – Ты не имеешь права учить других людей! Ты просто засранка!

Ничего не понимая, я пробормотала:

– Не знаю... Она держала нож неправильно – так вообще ничего не отрежешь... Я подумала, что могу ей помочь...

– Помочь?! – перебила она. – Ха! Хороша же из тебя помощница! Я всю дорогу тебя стыдилась. Это было просто невыносимо. Ты не понимаешь, что во время игры все время старалась выделиться? Когда другие не понимали, что ты рисовала, ты начинала злиться. Рядом с тобой всем было неловко. Все смотрели на тебя. Мне хотелось умереть от стыда, глядя на тебя. Мне хотелось закричать: «*Это не моя дочь!*»

Мне показалось, что я резко села на верхней полке и ударилась головой о потолок. Это происходит сейчас? Правда? Именно после *похода, направленного на сближение матери и дочери?*

– Прости, мама, – пробормотала я. – Я просто не понимала...

– Конечно, ты не понимала! Потому что ты вообще не думала, верно? Ты всегда поступаешь, не думая, хотя я вечно твержу тебе: «*Подумай!*» Неудивительно, что все одноклассники тебя ненавидят!

– Прости, что я так повела себя... А нож... Я просто... просто хотела помочь. Ее мама вроде бы не расстроилась... Я не заметила этого, но...

– Ооооо! – Мама поджала губы и прищурилась. – Ты думаешь, что знаешь лучше меня? Как ты смеешь огрызаться?!

– Я лишь пытаюсь извиниться! Пожалуйста! Мне очень жаль... Я просто подумала... может быть, после этого похода... Я думала, что теперь все будет хорошо...

– Как все может быть хорошо, когда *ты выставила меня в плохом свете?*! – завизжала она.

Я знала, что в эту самую минуту никто не кричит ни на одну девочку из нашего отряда. Перед глазами были картинки, как они прижимались к своим матерям во время той песни, как *ждали* ответных объятий. Они *хотели* уверенности и безопасности. Но в то же время мама была права – другим детям я не нравилась. Они говорили, что я странная и слишком *впечатлительная*. Может быть, я и правда слишком уж пыталась победить в игре? Неужели на меня действительно все смотрели? Как я могла этого не заметить? Как мне понять, что я веду себя неправильно? Может быть, все мои действия – это ошибка? Глаза наполнились слезами.

– Не плачь! – закричала мама. – Ты жутко выглядишь, когда плачешь! Ты похожа на своего отца с его плоским, жирным носом. *Не плачь, я сказала!*

И она ударила меня. Я закрыла лицо руками, но она оторвала мои ладони от лица и принялась хлестать меня по щекам. А потом села и заплакала.

– Ты разрушила мою жизнь! Лучше бы ты никогда не рождалась! Ты только и делаешь, что выставляешь меня в дурном свете! Ты вечно меня унижаешь!

– Прости, мамочка, прости, пожалуйста! – взмолилась я.

Думаю, мама моя не смогла реализоваться. Она убиралась тщательно, но неохотно. Готовить она не любила, предпочитая занимать свободное время волонтерской работой в школе – она вела подсчеты и заполняла многочисленные документы. Иногда она спрашивала у отца, нельзя ли ей найти работу в банке, а он вечно отмахивался:

– Ты еле школу окончила! Кто тебя возьмет?

Но это я поняла, лишь став взрослой. Теория сложилась, когда я посмотрела массу телевизионных передач о скучающих домохозяйках и перенесла увиденное на брак своих родителей. В детстве же я точно знала, почему моя мама вечно расстроена. Она очень точно указывала на причину своих несчастий – во всем была виновата я.

Если я что-то и запомнила из своего детства, так это избиения. Мама часто меня била. За то, что я не смотрела в глаза, разговаривая с ней. А если же смотрела, но недостаточно почтительно, мне тоже доставалось. Она могла побить меня, заметив, что я сижу в кресле, поджав одну ногу, «как рикша», или за сленговую фразочку из какого-нибудь мультфильма с телеканала 2x2. Однажды она полчаса избивала меня теннисной ракеткой за то, что я вскрыла полиэтиленовую упаковку ее журнала *People*, который достала из почтового ящика. Иногда она била меня не сильно – ладонью, игрушками, газетой. Но порой мне прилично доставалось – мама так сильно била меня пластиковой линейкой или бамбуковой палкой, что те могли ломаться, и я же оказывалась в этом виновата. «Это ты заставила меня так поступить, потому

что ты ужасно глупая!» – орала она. А потом возводила глаза к небу и ругала Бога: «Чем я заслужила этого неблагодарного, бесполезного ребенка?! Она разрушила мою жизнь! Забери ее! Я не хочу больше видеть ее безобразное лицо!»

Несколько раз в год мама так уставала от меня, что пыталась заставить Бога забрать меня навсегда. Хватала меня за волосы на верхнем этаже нашего дома и тащила вниз по лестнице. Она заносила большой кухонный нож над моим запястьем или закидывала мою голову и подносила лезвие к шее – холодный металл впивался в мою кожу. Из всех сил я просила прощения, но мама визжала, что я притворяюсь, что мне следует заткнуться, иначе она перережет мне горло. Тогда я замолкала, но она твердила, что я не раскаиваюсь в своих проступках. Я снова начинала извиняться, но она настаивала, что мои слова ничего не значат, а от слез я становлюсь такой уродливой, что точно должна умереть. Я молчала, пока она криками не заставляла меня снова что-то говорить. Такие бессмысленные ситуации могли длиться часами.

Мамин голос не всегда был таким певучим. Он стал писклявым и визгливым из-за постоянных криков и скандалов. Врач сказал, что у нее повреждены связки, и, если не проявить осторожности, она может полностью потерять голос. Но это ее не смутило.

Меня часто спрашивают, каково это – расти в атмосфере такого насилия. Психотерапевты, посторонние люди, партнеры. Редакторы. *«Вы описываете детали того, что произошло с вами, – пишут они на полях. – Но как вы это чувствовали и переживали?»*

Такие вопросы всегда кажутся мне абсурдными. Откуда мне знать, что я чувствовала? Это же происходило много лет назад. Я была совсем маленькой. Но, если подумать, то я бы сказала, что, вероятно, *чертовски* плохо.

Я ненавидела маму, потому что ей было невозможно угодить. Но в то же время я любила ее, поэтому, наверное, постоянно терзалась чувством вины и страха. Помню, что горько плакала, когда она избивала меня. Но плакала я не от боли – к этому я привыкла. Я плакала из-за ее слов. Закусывала губу и впивалась ногтями в ладони, но никогда не могла сдержать слез, когда она называла меня глупой, безобразной, нежеланной. Я шмыгала носом, это злило ее еще больше, и она избивала меня с новой силой.

Когда избиение заканчивалось и поток оскорблений останавливался, все становилось легко и просто. Слезы высыхали, и я просто сидела и смотрела в окно. Или читала любимые книжки. Собирала все в кучу и уносила с собой. Однажды после особенно сильного избиения у меня началось что-то вроде частой икоты. Я никак не могла замедлить икание, чтобы набрать достаточно воздуха в легкие. Теперь я понимаю, что это, скорее всего, были панические атаки. Помню, что в тот момент с изумлением наблюдала за собой словно со стороны. *«Это так странно, – думала я. – Что происходит? Как это смешно!»*

Но что мне было делать с этими чувствами? Каталогизировать их? Сидеть и целый день их обдумывать? Рассказать о них мамочке и ждать сочувствия? Умоляю вас. Мои чувства не имели никакого значения. Они были бессмысленны. Если бы я испытывала все эти чувства слабости и вялости, если бы действительно думала, как ужасно, что мама постоянно грозит убить меня, то вряд ли мне удавалось бы каждое утро просыпаться и завтракать вместе с ней. И я вряд ли смогла бы всю ночь сидеть на диване и обнимать ее, чтобы ей было тепло. Не смогла бы.

Если бы я заполнила все пространство души *моими* чувствами, то разве в ней осталось бы место для маминых? Ее чувства были важнее. Потому что у нее на кону стояло гораздо больше.

На тумбочке возле маминой кровати всегда стоял большой зеленый флакон с «Экседрином». Она принимала эти таблетки от мигрени. Кроме того, они были для нее способом ухода от реальности.

После самых сильных панических атак и сильнейших избиений мама сворачивалась в клубок на полу и начинала раскачиваться взад и вперед. Потом в сухой, жесткой тишине она шептала, что я разрушила ее жизнь, что настало время со всем покончить и выпить все таблетки разом.

– Пожалуйста, не надо, мамочка, – умоляла я.

Я пыталась объяснить ей, что нужно жить дальше, что все мы ее любим и ценим все, чем она ради нас жертвует, что она хороший человек, который так нужен этому миру. Иногда это срабатывало. А иногда она не обращала на меня никакого внимания и заперлась в своей спальне. Мне она говорила, что, если я позвоню 911 и она выживет, то перережет мне горло. Я сидела снаружи, прижав ухо к двери, пытаясь услышать ее дыхание и понять, когда нужно рискнуть – в какой момент нужно отдать собственную жизнь за жизнь мамы.

Я стала следить за ней каждый раз, когда она засыпала днем. Прокрадывалась в ее комнату и стояла над ней, чтобы убедиться, что ее глаза движутся под веками, а дыхание достаточно ровное.

Но однажды я пропустила важные симптомы. Я совершила ошибку. Мама все же решилась и выпила все таблетки, что у нее были.

Не знаю, когда точно мама совершила эту попытку, потому что мелких инцидентов было предостаточно. Думаю, это произошло, когда она на пару дней исчезла и отец сказал, что она уехала в *Holiday Inn*, чтобы немного отдохнуть от нас. Позже мамина подруга рассказала мне, что она провела ночь в психиатрическом отделении. А может быть, мама пыталась покончить с собой в ту ночь, когда приняла таблетки, запила их пивом и проспала восемнадцать часов. На следующий день мы с отцом стояли у ее постели.

– Она проспится. Это называется похмельем. Иди, посмотри телевизор или займись чем-нибудь, – сказал отец и ушел.

Но я еще долго наблюдала за мамой, прежде чем решилась на цыпочках выйти из спальни.

Но все это имело свой эффект. «Экседрин» в таких количествах вызвал у мамы язву желудка, которая так никогда и не залечилась. И каждый раз, когда у нее случались приступы боли, она твердила, что это моя вина.

Что я могла чувствовать, если собственная мать винила в своих попытках самоубийства меня? Я не могу вам рассказать. Это были слишком серьезные чувства для очень маленькой девочки. Но я точно знаю одно: каждый вечер перед сном я становилась на колени и, словно мантру, повторяла одну и ту же молитву: «Пожалуйста, Боженька, сделай так, чтобы я не была такой плохой девочкой. Позволь мне сделать мамочку и папочку счастливыми. Пожалуйста, сделай меня хорошей девочкой».

Глава 2

В средней школе я перестала спать.

Три раза в неделю я занималась теннисом, два раза – китайским языком. А еще играла на пианино и ходила за занятия скаутов. Плюс к этому учеба и домашние задания. Обычно мой учебный день длился часов двенадцать. А еще у меня было очень важное дело, которое занимало все свободное время: исполнять роль посредника между родителями.

Честолюбивый отец, о котором я так много слышала, человек, который вытащил из бедности себя и свою семью, который проложил себе дорогу в блестящее американское будущее, не был отцом, с которым я росла. Я получила лишь оболочку этого человека.

Мой отец работал по восемь часов в день, а потом сбегал в гольф-клуб. Дома он был неким призрак, который был готов сколько угодно сидеть перед телевизором, лишь бы не заниматься семейными делами. Иногда мне казалось, что стеклянный потолок Америки лишил его страсти – он точно знал, что азиат не может подняться выше обычного уровня менеджера среднего звена. Но если бы вы его спросили, он бы ответил, что его душу растоптала моя мать.

Мама срывала свое недовольство не только на мне. Она вечно ругала отца за то, что он жует с открытым ртом, слишком сильно потеет, слишком много или, наоборот, недостаточно говорит. А он был поразительно слеп и не мог понять, почему мама так несчастлива. («Ты целыми днями смотришь телевизор и играешь в теннис. На что тебе жаловаться?») Они ссорились из-за денег. Мама хотела купить *Lexus*, отец говорил, что мы не можем себе этого позволить. Они ссорились из-за того, что отец перевез нас в Америку со всеми бесполезными родственниками и их грубыми детьми, которые звали маму по имени. Постепенно ссоры становились все хуже, в комнате начинали летать тарелки, звучали жуткие угрозы, и, в конце концов, кто-то уезжал из дома. В этот момент в темном гараже я дрожала и молилась, чтобы они быстрее вернулись домой.

Я взяла на себя обязанность поддерживать в доме определенный рутинный порядок. Когда родители хотели в воскресенье поспать подольше, я заставляла их идти в церковь, чтобы Бог знал, как серьезно мы относимся к поддержанию мира и покоя в нашем доме. Напоминала им о том, за что следует быть благодарным. Собирала брошенную на полу отцовскую одежду, прежде чем ее найдет мама и устроит отцу скандал. Если мама злилась без причины, я врала отцу, что совершила какой-то ужасный проступок, и тогда он прощал ей скандал. Бывало, подбрасывала отцу идеи подарков, которые он мог бы сделать маме.

– Это не ее вина. Просто я – плохая девочка. Я ужасная и злая, – говорила я отцу, и он мне верил.

– Почему ты так себя ведешь? – спрашивал он. – Почему ты не можешь исправиться?

Со временем я сама начала верить в придуманные мной же истории. Старалась стать лучше, перестать быть бесполезной в школе и везде. Я заставляла себя быть абсолютной отличницей, все делать безукоризненно и идеально. В моем дневнике были одни пятерки.

Но я же была ребенком. Я не могла выживать в мире, где нужно было только бороться, вести переговоры и стремиться к совершенству. Мне нужны были игры. Нужно было развлекаться и отдыхать. И с этой задачей я справилась так же, как со всеми остальными. Я выделила время на это. Мне всего лишь нужно было перед сном принять «Судафед» – детский метамфетамин. После него я не засыпала. Услышав, что родители легли, я пробиралась к семейному компьютеру и зависала в интернете часов до четырех утра. Я читала фантастику, сидела в чатах AOL и болтала со своими *настоящими* друзьями в группах любителей «Звездных войн». Когда на уроках включали обучающие фильмы, я мгновенно засыпала. Да, мне было трудно запоминать китайские слова. Иногда у меня кружилась голова и я чуть не падала. Но мне удавалось со всем справляться. Именно так и нужно было поступать.

Как-то ночью я вошла в интернет и случайно посмотрела направо, на наш принтер. На листке была напечатана фотография девушки – плохая из-за дешевого тонера. Загорелая блондинка сидела на пляже. Она была практически обнаженной, кроме двух безупречных кружков песка, стратегически расположенных на груди, чтобы прикрыть... ее *соски*. Я стащила фотографию из лотка и осмотрелась вокруг. Если положу фотографию в мусорную корзину, мама ее найдет. Мой рюкзак она тоже часто проверяла, так что это место не подходит. Но в кабинете у нас были огромные деревянные книжные шкафы высотой семь футов. Насколько я помнила, их никогда не сдвигали. И я спрятала листок за шкафом.

Но я была в ярости. Всю жизнь я посвятила тому, чтобы бдительно следить за семейной жизнью, сохранить мамин хрупкий рассудок и брак родителей. Как отец мог быть таким легкомысленным? Но я все держала под контролем. Я сумела отредактировать наш профиль в AOL, сделав себя основным владельцем учетной записи, и изменить родительский контроль. Теперь отец мог просматривать лишь контент, подходящий для тринадцатилетнего мальчика.

Через пару дней в мою комнату ворвалась мама.

– Что случилось со всеми нашими деньгами? – визжала она.

Мама со всего размаху ударила меня по лицу.

Почему отец потерял доступ к своему банковскому счету? Что я сделала? Я потеряла все наши деньги? Как мы будем оплачивать счета? Чем платить ипотеку? Что, черт возьми, я сделала?

Упс! На это я не рассчитывала. Неужели я действительно стерла все наши деньги? У меня перехватило дыхание. Но я не могла сказать маме, почему так поступила.

– Думаю, я смогу все исправить, если ты дашь мне пять минут, – пробормотала я, заикаясь. – Я просто кое-что попробовала. Прости...

– Я не хочу, чтобы ты что-то исправляла. Больше ты в интернет не войдешь. И телефоном не будешь пользоваться шесть месяцев! Ты наказана на полгода! Не будешь встречаться с друзьями! Не будешь смотреть телевизор и ходить в кино! С этого момента ты будешь только учиться и перестанешь *тратить*, – мама дала мне еще одну пощечину, – *свое время*, – она пнула меня в коленку так, что я упала – на *всякую чушь*! – Я лежала на полу, и мама пнула меня в живот. – Немедленно дай мне свой пароль!

Интернет был моим единственным убежищем от всего *этого*. Я не знала, что буду делать, если она лишит меня доступа. По ночам я уже пробовала пальцем острие кухонных ножей, гадая, больно ли будет перерезать запястье и заметит ли мама, если я спрячу один нож в рюкзаке, с которым иду в школу. Однажды я выскользнула из дома и купила *The National Enquirer*, где были фотографии покончивших с собой Дилана Клиболда и Эрика Харриса. Когда у меня кончались силы, я смотрела на эту фотографию и думала о самоубийстве, как о единственном, последнем выходе.

Я чувствовала, что, лишившись последнего утешения, просто умру. Поэтому я впервые набралась духа и ответила:

– Нет.

– ЧТОООО?! – заорала мама. – Ты никого не уважаешь... Ты бесполезная тварь! Ты безобразное, жуткое чудовище! Не знаю, зачем я тебя родила!

Мама продолжала осыпать меня ударами – она била по телу, лицу, голове. Потом схватила за волосы, выволокла меня из комнаты, стащила вниз по лестнице и швырнула в угол. Она втащила меня в кабинет, где за компьютером сидел отец. Он поднял глаза.

– Она не говорит мне пароль! – крикнула мама.

Отец бил меня редко, но безжалостно. Я, задыхаясь, пробормотала:

– Я могу все исправить. Мне не нужно для этого говорить вам пароль...

Но я и закончить не успела, как отец поднялся, схватил меня за рубашку и швырнул к стене. Я спиной ударилась о книжный шкаф и сползла на пол. Он поднял меня и швырнул

в другую сторону, к тем полкам, за которыми я спрятала распечатанную фотографию голой девушки. Отец схватился за шкаф и прорычал:

– Если ты не скажешь мне пароль, я опрокину шкаф на тебя! Я тебя раздавлю!

– Нет! – рыдала я, но потом замолчала, потому что родители этот ответ не принимали.

У меня не было права на это слово. Я пыталась не разжимать губ, а они били меня снова и снова. Удары и пинки сыпались на меня со всех сторон, рот наполнился кровью. Меня били чуть ли не до ночи, пока не устали. Родители стояли надо мной, а я без сил валялась на полу в гостиной, твердя про себя: *«Это нечестно! Несправедливо! Я ничего плохого не сделала! Я сделала это, чтобы защитить тебя! Это нечестно!»*

И тогда отец схватил свою сумку для гольфа и вытащил клюшку с закругленной головкой – куда больше и тяжелее его кулака.

– СКАЖИ. МНЕ. ПАРОЛЬ! – рычал он.

Лицо его исказилось до неузнаваемости. Он занес клюшку и направил ее на мою голову. Я откатилась в сторону. В кабинете у отца стояла ротанговая оттоманка, на которой лежала синяя подушечка с розовым цветочным рисунком. Удар пришелся на нее.

Клюшка проделала в оттоманке огромную дыру. Я сдалась. И назвала им пароль. Прежде чем лечь спать, я спрятала под подушкой нож. На всякий случай.

Глава 3

Когда я закрываю глаза и думаю о своем детстве в Америке, то вспоминаю только синяки и побелевшие костяшки пальцев. Если копнуть в поисках чего-то позитивного, то я могу увидеть, как смотрю по телевизору «Сейлор Мун», гуляю в просторной футболке с изображением кота Гарфилда, играю на компьютере или ем пиццу из любимой пиццерии. Как же я любила эту пиццу!

Но когда я вспоминаю свое детство в Малайзии, мои воспоминания перестают быть фрагментарными. Я мгновенно переношусь в потрясающий мир ощущений: пот над верхней губой, звуки дорожного движения, запахи – бензина, дымки от многочисленных сковородок и лесной, сочный запах джунглей.

А все потому, что я любила Малайзию. Мне нравились водостоки вдоль домов в колониальном стиле и витрин магазинов. Нравились ротанговые навесы над прилавками уличных торговцев и маленькими лавочками. Я любила искать в холодильниках лаймово-ванильное мороженое. Мне нравилось драться подушками со своими двоюродными братьями и сестрами в сезон дождей – мы прятались в темноте, а потом молния ярко освещала наши убежища и мы начинали лупить друг друга подушками. Я обожала эту еду: жирная черная лапша с мясом, острая лапша с креветками, хрустящие ростки фасоли, мягкий и горячий цыпленок по-хайнаньски. Мне нравилось, как эту еду подавали на ярко-голубых пластиковых тарелках, как мы ели ее ярко-оранжевыми палочками, а потом запивали ледяным соевым молоком или ярким фруктовым соком. Мне нравилось не пристегиваться на заднем сиденье машины. Я обожала целыми днями играть с братьями и сестрами в компьютерные игры. Мне нравился язык, на котором я говорила совершенно свободно. Элегантная лаконичность (*Can lah!*), чередка восклицаний (*Alamak! Aiyoyo! Aiyah! Walao eh!*), заимствования из самых разных языков (малайский: *Tolong!* кантонский: *Sei lor!* тамильский: *Podaa!*), загадочная грамматика (*Так темно! Ой, молния! Ух ты, нравится, да?*)

Но больше всего я любила Малайзию за то, что Малайзия любила меня.

В моем детстве мы возвращались в Малайзию каждые два года. Иногда мы приезжали на пару недель во время зимних праздников, а летом проводили там целых два месяца. Я готовилась к этим поездкам заранее, за несколько месяцев. В обед лежала на жарком калифорнийском солнце, привыкая к ощущению палящей жары, чтобы в тропиках бегать и играть, ни о чем не думая.

Малайзия была для меня облегчением. Там было уютно и спокойно. В кругу семьи родители успокаивались и становились нормальными людьми. Они смеялись, ели и никогда не ссорились. Мне не приходилось внимательно следить за ними, и я могла быть обычным ребенком. Мы с братьями и сестрами открывали для себя тайные, волшебные миры, которые были только нашими. Нам никто не мешал – нас только кормили. Мы жили как короли.

А я была царем царей, верховным правителем, потому что была всеобщей любимицей. Нет, не то чтобы мне доставались лишние куски пирога. Я была любимицей, которой восхищались на семейных обедах: «О, Стефани лучше всех!» Мои тетушки твердили своим детям: «Ну почему ты не можешь быть похожей на нее?» Все говорили, что я очень умная и исключительно хорошо воспитанная. Со мной редко случались проблемы, и все покупали мне любые игрушки, какие мне хотелось. Больше всего меня любила матриарх нашей семьи – тетя моего отца. Все мы звали ее Тетушкой.

Тетушка была моей двоюродной бабушкой – миниатюрная старушка, которая, шаркая ногами, расхаживала по всему дому и была грозой семьи. Она могла сурово ударить кулаком по столу и пуститься в громогласные рассуждения о том, как тяжело в наше время купить хоро-

ший рамбутан. (В старости главной страстью Тетушки стали хорошие фрукты.) Она в совершенстве овладела искусством страстной драматизации. Однажды она спокойно рассказывала мне о своем детстве и упомянула, что в те времена, если ребенок получал на экзамене ноль, семья должна была платить большой штраф. Я просто поразились – не может быть! Я точно правильно услышала?

– Платить *штраф*? – переспросила я.

Тетушка мгновенно преобразилась. Она выпрямилась, напряглась, как одержимая, глаза ее за толстыми стеклами очков расширились, челюсть выдвинулась вперед, руки затряслись.

– А Я ЧТО СКАЗАЛА?! – заорала она с таким пылом, с каким обычно изобличают жестоких убийц. – ИМЕННО! ПЛАТИТЬ ШТРАФ!

Это состояние исчезло так же неожиданно, как и возникло. Тетушка расслабилась и вернулась к рассказу, хихикая, как ни в чем не бывало.

Да, наша тетушка была именно такой: совершенно ненормальной, но даже в гневе или печали не забывающей о плутовском веселье. Однажды она громко пукнула во время игры в маджонг, а потом так расхохоталась, что описалась, и поковыляла в туалет, поливая все вокруг мочой и продолжая хохотать до слез.

Тетушка была хранителем всей нашей семьи. Когда отец был еще маленьким, его мать (сестра Тетушки, моя родная бабушка) работала мастером на стеклянной фабрике в Куала-Лумпуре. Дорога от Ипоха занимала два часа, поэтому бабушка сняла квартиру в Куала-Лумпуре и жила там всю неделю, встречаясь с детьми лишь по выходным. В ее отсутствие о детях заботилась Тетушка. Она работала секретаршей и постоянно держала малышей на коленях. А еще она организовала небольшую кредитную контору. Со временем она скопила столько денег, чтобы купить два дома для племянниц. Мой отец и его сестры считали Тетушку второй матерью. Бабушка умерла, когда мне было семь лет, и Тетушка приняла на себя роль матриарха семьи. Своей властью она пользовалась, чтобы меня баловать.

Стоило мне войти в комнату, Тетушка кидалась ко мне и начинала ворковать:

– *No gwaai, ho gwaai*. Такая воспитанная! Такая хорошая!

Она вылавливала рыбные шарики из своего супа и отдавала мне, учила меня играть в маджонг, гладила по рукам.

И остальные взрослые следовали ее примеру – они хвалили мои глаза и даже мои прыщички. Тетушки отправлялись на рынок специально, чтобы купить мне любимые лакомства – мягкую вяленую свинину, булочки с карри, сливочные пирожные с ананасами и другие вкусности. Одна моя двоюродная сестра хотела стать художницей. У нее был целый шкаф с рисунками и набросками. Я решила ей подражать и начала рисовать. Все тут же столпились вокруг меня, восхваляя мой природный талант. Сестра выскочила из комнаты и несколько дней со мной не разговаривала.

Однажды мы с мамой отправились в банк, где у нас был собственный сейф. Я видела, как она осторожно перебирает сокровища в красных бархатных коробочках.

– Твоя бабушка подарила тебе свой лучший нефрит, и когда-нибудь ты унаследуешь все это, потому что ты – ее любимица, – прошептала мама, застегивая на моей шее золотую цепочку с подвеской в виде золотого кролика с рубиновыми глазами. – Она подарила это тебе, когда ты была совсем маленькой. Кролик в честь года кролика!

– Но почему я ее любимица? – не поняла я. – Что я сделала?

– Все просто. Твой отец – старший сын в семье, а ты – его первенец. Естественно, ты ее любимица.

Мне показалось, что таким словам место в романе Эми Тан, а не в реальной жизни. Я не могла в это поверить.

Я чувствовала себя особенной, когда оставалась с Тетушкой вдвоем. Ближе к вечеру, когда все остальные еще дремали, я, шлепая босыми ногами по мраморному полу, шла на звук сочного треска зеленых стручков фасоли в пальцах Тетушки, усаживалась в ротанговое кресло – плетеный узор мгновенно отпечатывался на моих ягодицах – и тоже принималась чистить фасоль.

– *Ho gwaai, ho gwaai*. Такая хорошая девочка! – мягко ворковала она. – Пришла помочь своей Тетушке!

Она рассказывала мне о своей жизни в Ипохе, о близких для меня прабабушках, о том, как они с сестрами собирали манго. А потом она делилась со мной китайской мудростью – говорила то же самое, что миллион лет назад ей говорила ее мать. Тетушка всегда считала, что главное в жизни – это оптимизм.

– Когда падает небо, укройся им, как одеялом, – постоянно повторяла она. – Превращай большие проблемы в мелкие, а мелкие вообще ничего не значат. Когда тебя кто-то обижает, не копи обиду в сердце. Забудь. Отпусти. Улыбнись сквозь слезы. Проглоти свою боль.

Я рассеянно кивала. Но когда просыпались мои братья и сестры и я бежала играть с ними, черно-белые воспоминания о старых предках в полотняных костюмах и об их забавных фразах откладывались в моей памяти. Я всегда думала, что Тетушка пытается объяснить мне мои корни и истоки. Она хотела, чтобы американская девочка, выросшая на гамбургерах из «Макдоналдса», хоть на немного оставалась китайкой. В то время я даже не догадывалась, каким был главный мотив Тетушки: она хотела дать мне всё необходимое, чтобы выжить.

Глава 4

Когда мне исполнилось тринадцать, мама взяла меня в китайский ресторан и заказала мою любимую лапшу с креветками.

– Прости, но я больше не могу, – сказала она. – Я развожусь с твоим отцом.

На этот раз ни слезы, ни мольбы не помогли бы – она приняла твердое решение.

– Ты должна серьезно подумать, с кем ты хочешь остаться.

Она привезла меня домой, собрала чемодан и уехала.

Я звонила ей каждый день – бралась за телефон, как только просыпалась, и прекращала звонить часа в три утра. Ответила она мне лишь раз – в рабочий день около полуночи.

– Со мной все в порядке. Перестань мне звонить!

Голос ее звучал на удивление спокойно. Там, где она находилась, было шумно. Я услышала музыку. Бар? Мама повесила трубку. Я позвонила снова. Никакого ответа. Через неделю я перестала звонить.

Впервые мама вернулась через два месяца – приехала забрать кое-какую одежду. Услышав, как ее машина въезжает в гараж, я кинулась вниз. Мне так хотелось услышать: «Ну как ты тут без меня?» или «Я без тебя скучала». Хотя бы «Привет!». Но мама просто вошла в дом и сразу уставилась в кошачий лоток, стоявший у двери.

– Ты не меняла лоток с моего отъезда? – завизжала она. – Посмотри только! Здесь полно дерьма! Все должна делать я?! Да что ты за тварь такая!

Она потащила меня на кухню, схватила палочки и ударила меня. Когда она занесла руку снова, я сказала:

– Перестань меня бить – или я не стану жить с тобой.

Мама замерла. Впервые в жизни баланс сил между нами изменился. Неожиданно я отказалась раскачиваться в ее темпе, соскочила с качелей, оставив ее в одиночестве. Мама выскочила из дома, а я поняла, что решение уже принято. В моей душе что-то закрылось, и маме больше никогда этого не открыть. Отец мой тоже не был ангелом, но я была ему нужна. Он поклялся, что никогда больше меня не ударит, и я ему верила. А маме будет прекрасно и без нас. Выбор был очевиден.

Через пару недель мама снова вернулась и позвала меня на кухню.

– Стефи, – заявила она. – Я нашла нового мужа. У него большой дом. Если поедешь со мной, тебя ждет хорошая жизнь. С кем ты хочешь остаться? Со мной или с отцом?

Я равнодушно посмотрела на нее.

– Я хочу остаться с папой.

– Ты об этом пожалеешь, – ответила она.

Это были последние слова, сказанные мне матерью.

Когда мама нас бросила, отец много времени проводил, лежа на полу. Я помогала ему, вела в постель, а утром уговаривала проснуться. Двигался отец вяло, плечи у него поникли. Я показывала ему часы и твердила, что опоздаю в школу, если он не поторопится. Я пыталась отвлекать его фильмами, покупками, походом на «Властелина колец». Но он постоянно твердил:

– Я впустую потратил жизнь!

И в глазах его появлялись слезы.

– Нет, папа, это не так! – говорила я, брав его за руку. – Ты многого добился! Ты живешь в Америке! Ты добился успеха! У тебя есть я!

– Мне не следовало жениться на ней! О чем я только думал? Почему? Почему? Она наверняка лесбиянка! И, видимо, изменяла мне все время!

– Ты же ее совсем не любил. И постоянно твердил, что бросишь.

– Но я никогда не сделал бы этого. Ведь мы китайцы – в нашей семье никто не разводился. Я единственный... Какой позор!

– Папа, подумай: ты еще не стар. Ты очень умный и веселый. А этот брак не приносил тебе счастья. Она была такой скучной! А теперь ты станешь классным! Пошли за покупками! – сказала я, хватая отца за руку.

Я заставила его поехать в торговый центр и привела в отдел с гавайскими рубашками. Он нерешительно бродил между рядами с рубашками с попугаями и пальмовыми листьями. Я хлопала в ладоши:

– Посмотри, какой ты молодой! Так гораздо лучше!

Отец рассмеялся и вытащил кредитку.

Так мы прожили вместе два года. Нам пришлось продать дом и переехать в небольшую квартирку, поэтому мы избавились от всего, что напоминало нам о матери, – оказалось, что это почти все, что у нас было. Исчезло все: ее керамические фигурки, семейные альбомы, пианино, ротанговая мебель, батик в рамках, тиковые сундуки и постельное белье, книжки «Волшебный школьный автобус». В новую квартиру я выбрала кожаный диван, хромированные светильники и керамические кружки для кофе. Получилось логово четырнадцатилетнего холостяка – впрочем, по сути, так и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.